

Мария МАКСИМОВА

ПОСЛЕДНЯЯ СМЕНА

“Кто сможет докопаться до истины,
а кто останется жив...”

18+

Мария Максимова

Последняя смена

«Автор»

2025

Максимова М.

Последняя смена / М. Максимова — «Автор», 2025

90-е годы. Июнь. Летний лагерь в Подмосковье. Сразу после открытия смены из лагеря пропала шестнадцатилетняя девушка, спустя время ее тело нашли в реке без признаков насилия. Год назад из этого же лагеря пропал мальчик, о котором до сих пор ничего не известно. Местные органы милиции идут по ложному следу, загадочным образом к поиску девочки подключается и КГБ. При этом, три школьные подруги погибшей уверены, что, Катя не могла просто утонуть, ведь она кандидат в мастера спорта по плаванию. Девочки едут в лагерь на две смены, чтобы самим разобраться, что же там произошло и кто виновен в смерти подруги. Но кто из разыскивающих Катю сможет докопаться до истины, а кто останется жив?...

© Максимова М., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Благодарности	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Последняя смена

Благодарности

Этой книги бы не было без поддержки и помощи моих дорогих и любимых Марины Анатольевны Алексеевой и Сергея Алексеевича Заточного! Бесконечно благодарна вам за полученные знания, бесценный опыт, веру в меня и заботливое дружеское участие!

Идеальным преступлением следует считать лишь такое, где ни виновный, ни непричастный не вызывают подозрений. Такое, которое никто не сочтет преступлением.

Артуро Пресс-Реверте «Последнее дело Холмса»

Июль 1993 года

В комнате было темно, единственное небольшое окно под потолком роняло тусклый свет закатного июльского солнца через мутное стекло, покрытое слоем паутины и пыли, на земляной пол и часть стены, окрашенной в противный бледно-зеленый цвет. Девушка попыталась встать, но не смогла. Кисти оказались туго связаны веревкой, при этом, голова была мутной и тяжелой, перед глазами прыгали «мушки», как будто она не спала несколько ночей. Ощущения оказались странными, ведь несколько минут назад пленница впервые открыла глаза после того, как упала за воротами лагеря на влажный после дождя асфальт...

Девушка еще раз предприняла неудачную попытку опереться на локти и осмотреться. Кроме топчана, на котором она лежала, не было ничего, запах сырости отчетливо наводил на мысль, что это подвал. Лязгнула дверь, и в проеме появилась тень, которая двигалась медленно и осторожно к лежащей на топчане жертве.

Огромные серые глаза девушки расширились от удивления и ужаса: перед ней, склонившись, стоял человек, которого она никак не ожидала увидеть.

– Вы? Как же так? – сипло протянула она, в очередной раз, пытаясь высвободить затекшую руку из тугого узла.

Но ответа девушка не услышала, равно как и не успела подумать, почему она лежит связанная в подвале и зачем перед ней этот человек, глухой удар по голове оказался резким и сильным, голова Кати упала на топчан. Она не чувствовала ни страх, ни боль, ни удивление. Катя Радис больше вообще ничего не чувствовала.

Июнь 1992 года

– Материалы о пропавшем мальчишке из лагеря я отписываю тебе, Никитюк. – Андрей Васильевич размашистым росчерком поставил на рапорте свою подпись и дату, передавая документ сидящему напротив майору.

– Андрей Васильевич, побойтесь Бога, – застонал, как от зубной боли, молодой мужчина.

– Я, конечно, люблю детей, но хочу знать только, как они делаются, а не почему теряются.

– По принципу докторской колбасы, только наоборот? – усмехнулся подполковник.

– Примерно, – кивнул парень. – Распишите этой новенькой, пусть покажет себя, что не зря девку в розыск взяли.

Глаза Никитюка горели злыми, азартными огоньками, видимое ли дело, чтобы после отдела статистики бабу забирали на оперативную работу?

– Она себя еще обязательно покажет, – серьезно проговорил начальник. – А пока, возьми ее «в нагрузку», натаскаешь под себя. – И Андрей Васильевич чуть ниже своей росписи уже разборчивым почерком вывел «Тумановой».

Август 1993 года

– Так вот, дети подземелья, я вас больше предупреждать не буду! – Зубарев гневно сдернул с себя очки и начал расхаживать по кабинету, половицы паркета жалостливо поскрипывали в такт его тяжелым шагам. – Если опять будет с ребенком «висяк», с каждого по три шкуры снимут, а с меня лично потом еще три, предварительно нарастив снятые назад! И поверьте мне на слово, хорошо, если после этого кто-то из вас на службе задержится. Так и вылетите пробкой! Понятно?

Голос начальника звучал прямо над головой молодой женщины. Александра автоматически кивнула, чувствуя едкий запах табака и одеколона «Тройной» в десяти сантиметрах от лица. Андрей Васильевич развернулся, быстро прошагал к столу, устало сев в кресло, которое противно проскрипело под весом своего хозяина, тыльной стороной ладони оттер влажный лоб и сердито глянул на своих подчиненных.

Оперативное совещание у начальника районного отдела милиции традиционно началось с разбора полетов: по двум уголовным делам за неделю не сделано практически ничего, когда такое было? Андрей Васильевич обвел глазами коллектив, ребята были уставшие и поникшие, причина очевидная – творившийся хаос в стране у каждого, получавшего заработную плату от государственного бюджета, вызывал страх за свое не только будущее, но и настоящее. Еще месяц назад обещали повышение окладов, но пока все закончилось ожиданиями, а с учетом бешено растущей инфляции, каждый задавал себе вопрос, хватит ли этой зарплаты на месяц?

От творившегося финансового беспредела закономерно росла преступность, нагрузка на сотрудников правоохранительных органов увеличивалась, число же оперативников закономерно сокращалось.

Теперь еще и этот случай с пропавшей девочкой... Несовершеннолетние или «нелетки», как принято было называть деток в конторе, всегда были на особом контроле у начальства и государства в целом, а все преступления, совершенные такой категорией или в их отношении, расследовались только самыми опытными следователями. И за недостаточность в работе рассчитываться приходилось персональной ответственность. Случаи, когда преступник по данной категории не был пойман, были единичными, ужасно портили статистику и за такое без жалости карали по всей строгости, а пока преступление не совершено, то все камни летят в розыск, Зубарев понимал, испортить статистику областному начальству он не имеет права.

Саша сидела в самом конце приставного стола, фактически спрятавшись за широкие спины коллег-мужчин, опустив голову и думая только о том, чтобы из-под прядей, закрывающих лицо, не было видно ее пылающих щек. Она второй год служила в должности оперуполномоченного уголовного розыска и, к ее несчастью, это второй случай, за который они с начальником попадают под буквальный расстрел на заднем дворе от вышестоящего руководства.

Александра пришла на службу в июне прошлого года и первое дело, с которым она столкнулась – из детского лагеря пропадает подросток. Тело пропавшего мальчика в июле девяноста третьего года так и не нашли. Саша в составе следственной группы и с участием добровольческого отряда из местных зевак ногами «прочесали» лесопарковую зону вблизи лагеря, и несколько дней подряд девушка опрашивала жителей тридцати восьми домов в поселке, но подростка никто не видел.

Изначально у оперативников не было сомнений, что, Коля просто сбежал в поселок из-под надоевшего лагерного контроля, так как его отправили в лагерь на перевоспитание и на три смены в надежде, что под присмотром педагогов мальчик Коля лишится возможности бродяжничать.

Подросток Коля Чиженко был из неблагополучной семьи, он и до лагеря частенько сбегал из дома, пропадая где-то на пару-тройку дней, а то и на неделю. Родители не всегда вовремя замечали отсутствие сына, ибо пребывали в очередном алкогольном запое, зачастую оба или по очереди.

Когда же Коля пропал из лагеря, искать его начали только через сутки, поскольку подобный случай уже был, Коля после завтрака бегал в поселок, но к обеду вернулся. Однако, в этот раз, дни шли за днями, недели летели за неделями, а информации не было ровным счетом никакой, мальчик как сквозь землю провалился.

Установленные законом сроки оперативно-розыскных мероприятий прошли, прокурор каждый раз тяжело вздыхал, подписывая продление, а мальчик найден не был, далее заведенное розыскное дело Коли Чиженко перешло в «висяки», за которые областное начальство по голове не гладило. Прокурор района, глядя в настольный перекидной календарь, на каждом совещании по понедельникам мрачнел все больше. Возбудить уголовное дело и принять к своему производству не представлялось возможным, уголовно-процессуальный кодекс РСФСР не имел такой статьи, как пропажа ребенка, и не было никаких доказательств, что ребенка похитили или удерживают, или чего хуже – убили. Колю Чиженко живым не нашли, как и его тело, а вразумительных версий, куда мог деться ребенок, у оперативников не появилось. Школьник пропал. Ни один житель ближайшей деревни не видел мальчишку. Прокурор досадливо жевал губами, когда оперативники докладывали одно и то же, бродяжнический образ детки делал свое дело и Коля Чиженко превратился в «висяк».

Прокурору района объявили выговор, следователю районной прокуратуры – замечание, все опергруппу лишили квартальной премии. Областное начальство грозились разогнать всю контору, если еще раз очередного пропавшего ребенка не найдут или не найдут преступника, ежели детка найдется не совсем живым, то есть, мертвым.

Розыск мальчишки начался с поездки в лагерь, удачно расположенный в тридцати километрах от Вербовска в селе Озерный, с одной стороны стены корпусов подпирали вековые сосны, а в трёхстах метрах находилась река, юные отдыхающие безгранично дышали хвоей и плавали в водоеме трижды в неделю, если позволяли погодные условия.

Про подмосковный детский лагерь «Радуга» местные жители слагали легенды, одна удивительнее другой.

Александр было поручено беседовать с жителями, опрашивая каждого причастного, в очередной раз надеясь получить хоть какую-то зацепку. Сотрудница местного отделения почты Мария Прокофьевна, когда слышала вопросы про «Радугу», стала креститься.

– Свят-свят, нехорошее это место. Не пущайте туда своих деток, – женщина поправила косынку и потянулась к Саше через стол всем телом, понизив голос: – Лагерь-то ентот на кладбище построили, а нельзя! Грешно это на месте, где покойные лежат. Не слышали? – Старушка удивленно покачала головой, попутно крестясь. – Там-то кладбище раньше было, давно еще, в довоенные времена. Конечно, потом сравнивали, после войны госпиталь был, а уж в восьмидесятых годах и лагерь для детишек выстроили. Но души-то усопших небось против, что по их костям топчутся-то!

Александра слушала, изредка кивая и думая, что из этого ей записать в объяснения, чтобы начальник не выгнал ее сразу, бросая вслед пепельницей.

Душевно поблагодарив Марию Прокофьевну за ценные сведения, Александра вышла из здания, закуривая и размышляя, к кому следующему из предполагаемых свидетелей ей податься, чтобы выяснить хоть какую-то информацию о пропавшем ребенке. Если все местные

жители будут рассказывать подобные истории, то до правды она не докопается никогда и пропавшего ребенка не найдет.

Пропажей мальчика Коли официально занимался старший оперуполномоченный уголовного розыска Никитюк Виктор Иванович, Сашу Туманову подключили как дополнительные руки, опросить предстояло весь поселок, помимо ста тридцати подростков на смене и всех сотрудников лагеря «Радуга».

Сторожа Кузнецова опросить сразу не представилось возможным, сначала он был в запое, а потом «капался» в терапевтическом отделении от него. Однако и алиби у него было железным: в день исчезновения Коли Федорович был мертвецки пьян и спал в сторожке, храп разносился на всю территорию, и только глухой его не слышал. Директор лагеря, две поварахи и десятка три детей слышали свистящие переливы тяжелого дыхания сторожа, а особо любопытные даже видели, как Иван Федорович Кузнецов, развалившись на стареньком диване, разглядывал пьяные сны с полудня и до самого утра следующего дня. Храп его был настолько громким, что окна первого корпуса пришлось прикрыть, несмотря на духоту летней ночи.

Коля Чиженко пропал во время тихого часа. Он вместе со всеми ребятами послушно улегся в кровать и даже сделал вид, что задремал. Во всяком случае, его соседи по комнате именно так и рассказывали. А когда уставшие после игры в футбол мальчишки уснули и проснулись, Коли в комнате уже не было. Но никто из его соседей не удивился: Колька был нелюдимый, часто сбегал из лагеря на речку, чем ужасно злил строгую Елену Константиновну, угрожающую исключить мальчишку из учреждения. Искать Чиженко стали только утром, удивившись, что на линейке никто не отозвался, хотя вожатая старательно два раза выкрикнула фамилию мальчика. Почему-то после отбоя ребят тогда не проверили по списку, то ли вожатая забегалась, то ли указание такое на текущей смене не поступало вовсе.

И вот опять... Спустя год в злополучном лагере пропадает ребенок, на этот раз – шестнадцатилетняя Катя Радис, девочка из хорошей семьи, отличница и спортсменка. Проживала Катя в городе. А мать Кати – Ольга Ивановна Радис – была помощником судьи Гагаринского района в Высоковске. Сама судья на следующее утро после пропажи Кати позвонила начальнику уголовного розыска, четко обозначив, что девочку нужно найти быстро и невредимой.

Андрей Васильевич слушал молча, не заметив, как сломал карандаш, которым делал пометки на листах блокнота, и, швырнув трубку на рычаг, обвел глазами кабинет.

– Таня! – крикнул он в открытую дверь приемной. – Срочно оповестить личный состав, оперативку проведу в двенадцать.

Должность старшего оперуполномоченного Успенского райотдела милиции занимал давний наставник, а теперь и хороший друг Сашки. После внеурочного совещания, на котором Туманова не присутствовала, он влетел в кабинет озабоченный, швырнул фуражку на стул, и Саша поняла, что ничего хорошего от понедельника ждать не придется. Коллеги понуро потянулись на оперативное совещание к начальнику.

Андрей Васильевич Зубарев, а по-простому «Зубр», как его за глаза величали коллеги и подчиненные, действительно и внешне, и по характеру напоминал это парнокопытное млекопитающее. Крупный, тучный, с мощной короткой шеей, глубоко посаженными карими глазами и короткими кудрявыми темно-рыжими волосами, которые покрывали не только массивный череп, но и грудь, руки и даже спину.

Сашка его страшно боялась, как и любого другого начальника, мучаясь из-за вечной тревоги допустить ошибку и разочаровать руководство, и каждое оперативное совещание превращалось для нее в пытку. Зубарев в гневе не сдерживал себя, ругал сотрудников последними словами, резко стучал кулаком по полированной столешнице, а порой и вовсе бросал в кого-то скомканный лист бумаги, который еще секунду назад был чьим-то старательно подготовленным документом.

Зубарев действительно был строг, но справедлив: подполковник не терпел лени, лжи и «волосатых» рук на службе, ценил исключительно трудолюбие, острый ум и желание учиться.

Сашу Туманову он самостоятельно вытащил к себе в отдел из статистики, заметив, что девчонка задает оперативникам очень любопытные вопросы, опираясь исключительно на заполненные карточки. Андрей Васильевич наблюдал за ней полгода, отмечая, что сопливая девчонка работу свою любит, делает ее ответственно и быстро, и главное, заполнять формы «Ф1- Ф3» – не ее предел.

Пытливый ум, нестандартное мышление и желание докопаться до истины Саши, подвигли его попросить за нее, чего раньше за подполковником Зубаревым не наблюдалось. В верхах, понятное дело, стали шушукаться, что у Зубра «седина в бороду, бес в ребро», решил любовницу поближе посадить, раз хлопочет за нее, начальник отдела статистики затаил обиду, у него забирали лучшего работника.

Последней точкой стал любопытный эпизод. В очередной отчетный период ребята, таская туда-сюда заполненные карточки, мимоходом в кабинете обсуждали свежий материал проверки: на берегу реки обнаружен труп женщины средних лет, прилично одетой, без признаков насилия, при себе имела сумку, в которой оказались и деньги, и документы. По результатам экспертизы смерть наступила из-за высокой дозировки флавоноидного гликозида и флавоноидного полимерного процианида в крови, говоря простым языком, от передозировки сердечных капель. Неужели дама от чего разнервничалась и почти пол пузыря в себя накапала? И ведь ни единой зацепки! Семья приличная, на работе дама уважаемая, в день исчезновения уходила в магазин, где ее действительно видели за несколько часов до обнаружения ее трупа на другом конце города. Саша, заполнявшая журнал, вдруг, набравшись окаянства, попросила полистать странный материал. Оперативники не отказали.

Девушка, внимательно перелистывая страницы, «застряла» на протоколе осмотра, дотошно разглядывая фото трупа, она поинтересовалась:

– А почему на ней нет туфель?

Оперативники застыли в недоразумении, сразу видно, что баба – не оперативник, туфли ищет поразглядывать. На эту, как показалось, незначительную деталь эксперт, безусловно, внимание обратил, о чем имеется и предложение в тексте протокола: «Обувь на трупе и вблизи с трупом отсутствует». Кто же мог покуситься на женские лодочки? Мысль о краже Саша отсекала сразу же. Если это банальная кража, то в первую очередь украли бы сумку и кошелек, потом могли бы снять с женщины ювелирные украшения, в ушах сверкали небольшие серьги с янтарем, и добротную одежду, но ведь ничего не тронута.

Саша предложила оперативникам подумать в этом направлении, мужчины же расхохотались и про странную девчонку из статистики, которая решила «вместо убийцы тетки разыскать пропавшие туфли», доложили в качестве хохмы Зубареву.

Над историей не смеялся только Андрей Васильевич, он поскреб затылок и попросил принести ему материал. Дав поручение внимательно отслеживать объявления о продаже или находке женских красных туфель тридцать восьмого размера. Через трое суток был обнаружен любовник погибшей, которого настойчиво шантажировала убитая им женщина, если он «накопец не разведется». Он по глупости и от страха побоялся оставлять у себя вещь покойной, дал объявление в газету: «Продам женские туфли красного цвета в хорошем состоянии». Любовник-убийца сознался сразу, испугавшись, что некогда-то желанная женщина обо всем расскажет супружнице, сначала отравил ее, превысив дозировку сердечных капель, зная о проблемах с сердечным ритмом у женщины. Тело же вывез на берег реки, а туфли попросту соскочили с ног, пока он выносил ее на руках из подъезда.

Андрей Васильевич забрал Туманову в свой отдел через три месяца, усадив на должность инспектора, а через полгода перевел в оперуполномоченные и не пожалел ни разу.

Выйдя от Андрея Васильевича, Сашка быстро прошагала по коридору на крыльцо, затянулась сигаретой, обдумывая, с кого ей начать очередной опрос, вариантов было немало.

Побросав в сумку скоросшиватель с чистыми бланками, пару ручек, Туманова направилась к автобусной остановке, до Озерного, где располагался лагерь, еще добираться не менее часа, есть время обдумать вопросы. Начать девушка решила, как в театре, с лестницы, в данном случае, с того самого пьющего сторожа. А вдруг в этот раз он что-то видел?

Опрашивая сторожа из лагеря «Радуга», Саша по-детски скрестила пальцы в кармане, надеясь услышать хоть что-то вразумительное, где искать ребенка, однако ее снова «обрадовали» очередной историей.

– Место тут такое, товарищ милиционер, понимаешь? – Иван Федорович поднял указательный палец вверх, вопросительно глядя на свою собеседницу. Саша убедительно кивнула, Федорович удовлетворившись согласием, почесал затылок, жмурясь от утренних лучей солнца, проникающих сквозь давно немытое окно сторожки.

– Нечисть живет, хочешь верь, хочешь нет. Да как же откуда мне знать? Вот этими ушами слышал: воеет что-то голосом нечеловечьим и стучит в окна. Тут и ходит по территории невесть что, я сам пару раз видел, когда ночью по нужде выходил, – мужчина стал сердиться, замечая, что Александра не очень верит ему. Сторож выглядел озабоченным, глаза красные, с отеками веками смотрели на девушку внимательно и серьезно.

«Господи, сколько же он выпил, что сам в это верит?» – Саша хотела было закатить глаза, но вовремя сдержала эмоции, вдруг он все-таки выдаст что-то полезное.

Саша Туманова еще до прихода в лагерь знала, что Иван Федорович Кузнецов, или просто Федорович, мужик выпивающий и на работе его держат только потому, что новый директор Корин – человек сердобольный, деда жалеет, ибо без работы тот совсем сопьется. Повар шепнула, что Федорович, какой-то дальний родственник директора, поэтому ругать за пьянку – ругает, а выгнать не может.

Саша решила поспрашивать деда и о прошлогодних событиях, все-таки некая надежда на чудо теплилась в ее голове.

По существу заданных вопросов бедный Федорович, безбожно «плыл», то есть вообще ничего пояснить не мог. Тот день, когда пропал Коля Чиженко, он даже не помнил, ибо был крепко «взявши на грудь».

– Обижаешь, товарищ следователь, вовсе я не алкоголик там какой-то, повод был, сосед Митрич помер дня три назад, помянуть-то надо хорошего человека.

Но ворота лагеря он все равно закрыл, посторонних на территории не было, в этом Федорович был уверен крепко. Мальчика Колю он не знает и описать не может, ему они все на одно лицо, сколько же тут ребятишек за лето проходит!? Девочку не видел, не слышал и от всех других девочек лагеря отличить бы не мог, не приглядывался к детям. Его дело какое? Чтобы никто чужой на территорию не проник, с этим у него строго, ворота на засов, территорию обошел, завхозу доложил. Ночью он, вопреки своим обязанностям, спал. «Трезвый!» – обиженно заверял сторож, стуча кулаком по липкой клеенке на столе. И обход делал, а как же!? После направился к себе в сторожку до утра.

– Нет, товарищ следователь, на рабочем месте я не пью, никогда такого не было.

Второй обход у него должен был быть в три часа ночи, он маленько проспал, но в пять утра как штык, снова обошел, ничего необычного не заметил, ворота были закрыты. Завхозу, стало быть, снова доложил.

Про пропавшую девочку Катю он знал и того меньше, так как в день, когда она пропала, приехал на смену сильно опоздав. Дежурство у дяди Коли – сутки через двое, заступает он

ровно в двадцать ноль-ноль, но товарищ директор – человек сердечный и «с пониманием», как пояснил Кузнецов, разрешил деду после наркомовских ста грамм проспаться и заступить попозже, ибо к назначенному часу Федорович на ногах стоял, но некрепко. До двадцати трех часов Федорович благополучно спал, а после уж «совершенно трезвый» сделал обход, все проверил и вернулся обратно в сторожку.

На вопрос, знал ли он Катю или может ли описать, Кузнецов энергично мотал головой из стороны в сторону, уверяя, что ему уже и не надо на девчонок заглядываться, по именам тут почти все Кати и Лены, какая из них кто – он «ни в жизнь не различит».

«Вот и весь сказ, товарищ следователь», – как сказал бы Федорович.

Записав объяснения, предварительно предупредив пьющего сторожа об ответственности за заведомо ложные показания, она вздохнула и собрала листы в папку.

Саша уселась на обшарпанную лавочку вблизи здания сельского совета, потеряла защемившую так не вовремя шею, вытащила из сумки скоросшиватель с материалами. Развязав туго затянутый узелок, из кипы постановлений, протоколов допросов ей на колени выпала фотография девочки. Карточку изъяли из домашних альбомов Кати Радис, со снимка на Сашу смотрела девочка лет четырнадцати, с большими темно-серыми глазами и открытой улыбкой. Две длинные косы из темно-русых волос спускались до груди. Вертя в руках фотографию, Александра снова и снова задавалась одним и тем же вопросом: «Эх, Катя, Катя... Куда же ты пропала, девочка?»

Июль 1993 года

Катя с предвкушением предстоящего отдыха торопливо собирала большую спортивную сумку. Вертя в руках джинсовую юбку, критично рассматривая ее, девушка нахмурилась: вещь уже не новая, стразы кое-где отвалились.

Она впервые за свои шестнадцать лет едет в лагерь на целую смену, маме на работу дали путевку, и она, скрепя сердце, разрешила дочери проявить самостоятельность. Катя ликовала! Целых три недели она проведет вдали от тотального родительского контроля, от бесконечного брюзжания бабушки, от привычной рутины.

Катя Радис была послушной, но, как и любой девчонке, которой два месяца назад исполнилось шестнадцать, ей хотелось бегать на дискотеки, красить ресницы, знакомиться с мальчиками и даже целоваться с ними в подъезде. Однако Ольга Ивановна, мать Кати, категорически не поддерживала никакое увлечение дочери, кроме школьных уроков и регулярных занятий в бассейне. Катюша после тренировок тайком красилась в раздевалке и гуляла с подружками в парке, а потом в подъезде носовым платком стирала тени и помаду, чтобы не разгневаться ни маму, ни бабушку.

Отца у Кати не было. То есть, чисто теоретически, отец у девочки был, даже практически был: жил он вместе с мамой, маленькой Катюшкой и бабушкой Верой, стало быть, тещей. Когда девочке исполнилось три года, Виктор Радис не выдержал непростых семейных отношений с женой и тещей, а по большому счету, именно с тещей, и уехал на Крайний Север, на заработки, оставив жене свою необычную для советских лет фамилию. Попросту говоря, сбежал. Первое время он исправно делал почтовые переводы и писал письма, спрашивая о дочери, но обиженная супруга решила, что с глаз долой, из сердца вон, оформила развод и попросила бывшего мужа их больше не беспокоить, когда Катя вырастет, она сама решит, нужен ли ей отец-предатель. Катя выросла, но про отца в их доме больше никто не упоминал. Мама давно оповестила дочь, что Виктор Петрович Радис их бросил и уехал, адреса у нее нет, телефона тоже. Бабушка Вера горделиво добавила, что и в войну без мужиков не пропали, а больше Катя и не спрашивала. От отца у девочки остались фамилия, отчество и одна единственная фотография, где папа держит ее на руках, а она заливисто смеется, обнимая его за шею.

Стоя на вокзале, Катя отчаянно вглядывалась в толпу подростков, которые что-то громко обсуждали и смеялись.

– Звони мне каждый вечер, слышишь? И не вздумай гулять после отбоя! Катя, ты поняла меня?

Ольга Ивановна сердилась, дергая дочь за рукав.

– Да-да, – Катя кивала, совершенно не слушая мать. Все ее внимание было поглощено невысоким коренастым брюнетом, который уже второй раз оглянулся в ее сторону.

В течение получаса несовершеннолетних отдыхающих сверили по спискам, родители напоследок дали указания, кто-то сентиментальный пару раз поднес к глазам скомканный носовой платок, и вскоре площадь автовокзала опустела.

Школьников усадили в автобусы, Катя села рядом с полной девочкой, жующей бутерброд, свое место она выбрала не случайно, впереди сидел тот самый брюнет.

Лагерь с советским названием «Радуга» находился не в ближайшем Подмосковье, ПАЗи-кам пришлось почти два с половиной часа трястись в сторону Тулы, пока добрались до высокого забора, за которым виднелись корпуса. За время поездки ребята успели перезнакомиться друг с другом, Катя узнала, что брюнета зовут Богдан и ему уже шестнадцать. Фамилию только не разобрала, ни то Бобров, ни то Багров.

Навстречу вышедшей из автобуса толпе направлялась высокая полная блондинка в очках.

– Здравствуйте, ребята! – Блондинка заулыбалась, услышав раскатистое «здрасьте». – Я – заместитель директора по воспитательной работе, и зовут меня Елена Константиновна. Вы сейчас оставляете свои сумки – вот здесь, – женщина махнула в сторону ряда скамеек с облупившейся зеленой краской, – и идете со мной в актовыв зал, мы с вами знакомимся, я рассказываю вам правила и распорядок нашего лагеря, а потом вы расходитесь по корпусам и обустраиваетесь на новом месте. Договорились?

Подростки загудели, слушать лекцию после дороги никто не хотел, всем не терпелось поскорее исследовать новую территорию и перезнакомиться друг с другом.

Катя быстро шагала в толпе, пытаясь представить, с кем ей придется соседствовать в комнате, а главное, нравится ли она Богдану, ибо точно знала, что этот зеленоглазый брюнет однозначно запал в самое ее сердечко.

В актовом зале было шумно и душно, подростков рассадили, Елена Константиновна поднялась за трибуну.

– Ребята, тише! Я не буду вас перекрикивать! – Елена Константиновна поправила очки и продолжила: – У нас в лагере есть режим и строгий распорядок дня, за двухкратное нарушение режима мы отправляем домой. Безвозвратно! – женщина сделала выразительную паузу. – Подъем у нас в семь тридцать!

Зал зашумел, но заместитель продолжила:

– В восемь зарядка, а в восемь тридцать завтрак. Далее у вас будут тематические занятия, а если погода будет позволять, то будете ходить на речку. Обед – в двенадцать. Потом тихий час. Нет, ребята, ходить во время тихого часа нельзя. – Женщина сделала паузу. – После тихого часа полдник и ваше свободное время до ужина. У нас в медпункте есть стационарный телефон, вы можете звонить родителям. Ребята, все услышали? Родителям можно звонить после тихого часа до ужина. После ужина у нас вечерние мероприятия, костер и дискотека.

Ребята одобряющее загудели.

– Отбой ровно в двадцать два ноль-ноль. И после отбоя на территории лагеря не должно быть ни одной живой души. Все в своих кроватях. Вы можете не спать, но включать свет и шуметь нельзя. Сейчас я дам слово нашему директору, и можете быть свободны.

К трибуне поднялся мужчина лет сорока пяти или чуть меньше, приятной внешности: высокий, широкоплечий, густые русые волосы аккуратно зачесаны назад, открытое лицо с твер-

дым волевым подбородком. Едва заметно седеющий, с располагающей улыбкой и морщинками возле глаз.

– Дорогие ребята, хочу поприветствовать вас в нашем лагере «Радуга» и поздравить с началом смены! Меня зовут Борис Иванович, я являюсь директором лагеря и по всем важным вопросам прошу обращаться ко мне напрямую. Надеюсь, вы хорошо проведете время у нас и навсегда запомните этот заезд.

Наконец, шумная толпа подростков покинула актовый зал, бодро зашагав в сторону своих корпусов, попутно разглядывая все вокруг.

Катя выбрала себе место у окна, три других кровати тоже были заняты новыми хозяйками, которые деловито стелили постельное белье и раскладывали вещи по тумбочкам. Невысокая, полноватая девушка с двумя тугими косами ярко-медных волос, затолкав сумку под кровать, неожиданно спросила:

– Девочки, а вы здесь первый раз?

Катя ответила первая:

– Да, я первый раз.

– Я тоже здесь первый раз, – отозвалась худенькая шатенка с косой, имя которой никто не помнил.

– Ну, я тоже, а чего ты спросила? – недовольно буркнула темноволосая и темноглазая красивая девушка с дальней кровати.

– А я здесь второй, – по-прежнему ни к кому не обращаясь, продолжила девушка. – Прошлым летом в августе была, в четвертом заезде. Тут такие странности происходили, – она понизила голос.

– Что происходило? – придвинулась к ней поближе брюнетка, присев на край кровати, в ее глазах сверкнул неподдельный интерес.

– Нам к двум в столовую? – ни к кому не обращаясь, задала она вопрос. Рыженькая как будто уже пожалела, что начала эту тему, но и другие девушки заинтересовались сказанным. Она с преувеличенным интересом стала что-то искать в своей тумбочке.

Шатенка тоже подошла вплотную к кровати рассказчицы.

– В столовую мы можем и опоздать, фигуру надо беречь, – девушка спрятала улыбку, так как ее собеседница явно имела пару-тройку лишних килограммов. – Я бы хотела узнать, что тут было странного в прошлом году.

Девушка с рыжими косами поняла, что уйти с темы ей уже не удастся, вздохнула и начала рассказывать:

– Девочки, вы только не смейтесь, в этом лагере живет привидение, – на одном дыхании выдала она и замолчала.

– Чего? – Катя расхохоталась первая. – Ты вроде взрослая, а все еще веришь в ерунду такую!?

– Ничего это не ерунда! – девушка зло засверкала карими глазами. Ее щеки так густо покраснели, что даже веснушки пропали с круглого лица. – У нас постоянно что-то страшно завывало по ночам, кто-то ходил по территории, вечером то женский плач был слышен, то детский... А один раз мы вообще кровь на асфальте видели возле сторожки.

– Ооо! – брюнетка картинно закатила глаза. – Здесь же поселок недалеко, вот тебе и лай, и вой, и плач оттуда. А кровь... Ну что, сторож не мог палец порезать?

Катя тоже ожидала историю пострашнее. Она хоть и не была ранее в детских лагерях, но слышала про обычай – рассказывать страшные истории, пугая друг друга.

– Девочки, вы зря смеетесь. Пусть это не привидение, но в этом лагере правда что-то страшное происходит. Я третий год сюда езжу, маме путевки дают. Так вот, в прошлом году в июне мальчик пропал... Якобы в лесу пропал, милиция искала, и грибники все лето искали, но его так и не нашли.

– Ну а это тут причем? – шатенка нахмурилась. – Или ты думаешь, что на мальчика «твое» привидение напало и в лес утащило?

– Никакое оно не мое! – в сердцах крикнула девушка. – Но согласитесь, странно, что он пропал сразу после того, как начал искать это самое... привидение...

Она говорила так убедительно, что Кате на секунду показалась эта история правдивой. Девушка повела плечом, как бы отгоняя непрошенные мысли.

– Ой, девочки, давайте сменим тему, – девушка с темными локонами поморщилась. – Какое еще привидение? Мальчика жалко, но, может быть, он живой? В газетах же писали, что тело не найдено. Поэтому я предлагаю со страшилками закончить и пойти знакомиться к девчонкам из третьего корпуса. Вы со мной?

Девушка поднялась с кровати и направилась в сторону двери. Катя и другая молчаливая соседка радостно закивали, начали натягивать босоножки, а девушка с рыжими косами кусала губу, глядя в окно. В голове ее были только одни мысли: «Ну и не верьте! А я точно знаю, что в лагере что-то происходит».

Саша недовольно одернула юбку в третий раз. Да что же такое? Куда эта черная тряпица из спандекса и акрила все время норовит убежать? Она критически осмотрела себя в зеркале, вздохнула и взялась за только что отглаженную блузку.

Тридцать лет, много ли это для девушки? Вроде бы нет, советские фильмы с больших экранов убеждали, что только через десять лет начнется настоящая жизнь, а вот для представительницы прекрасного пола, у которой никогда не было ни мужа, ни детей – разве мало? А вес? Обидно, что возраст уместился в двузначную цифру, а вес вчера перевалил за трехзначную. Не то чтобы Саша Туманова этому сильно удивилась, она периодически становилась на весы, покусывала губу и сердито задвигала их ногой под диван. Но вчера весы явно хотели испортить Александре и без того не самое веселое настроение. Она даже на всякий случай потеряла окошечко с цифрами и повторно забралась на пластиковую поверхность. Увы, прибор был непреклонен, сто килограмм и двести грамм, как в аптеке. Чертыхнувшись, Саша плюхнулась в кресло.

Куда это годится? Девушка была рослая, крупная, длинноногая, но даже если с учетом роста она будет весить центнер – это перебор. Если Александра и дальше будет набирать в таком темпе, то гипертония, больные ноги и спина не за горами, а мечта, что она когда-нибудь наденет красное обтягивающее платье, которое видела в журнале, и вообще, рассмеявшись ей в лицо, испарилась.

Саша резко встала и прошагала на кухню, в верхнем ящике рядом с крупами валялась начатая пачка сигарет. Девушка очень старалась расстаться с вредной привычкой, но сейчас был именно тот случай, когда никотин мог успокоить. Затянулась сигаретой и спросила себя, глядя на отражение в оконном стекле:

– Ну, Александра Сергеевна, что будем делать?

Сесть на кефирную диету или на гречневую? А может, на яблоках посидеть? Да, яблоки могут помочь. В прошлом году она две недели грызла кислые зеленые плоды, от которых к концу третьего дня сводило челюсти. А когда живот начинал предательски урчать от голода, один взгляд на яблоко посылал сигнал мозгу, что, в принципе, не так уж и хочется есть, можно просто выпить чаю или даже воды. После таких экзекуций организм отдал пять килограмм, а оставшийся месяц Саша героически держалась на отварной гречке и кефире, которые после зеленых яблок казались ей пищей богов. Окончание месяца принесло Саше землистый цвет кожи, осунувшийся овал лица и отвес в девять килограмм.

Александра, на радостях надев черные лосины и черную майку («черный же худит!»), поехала встречать маму на вокзал, которая должна была вернуться из санатория.

К перрону она подошла вместе со своим отчимом, не сразу узнавшим падчерицу. Когда Лидия Николаевна вышла из вагона и увидела дочь, она закатила глаза и начала хватать ртом воздух, ища помощи у отчима Саши. Он же, храбро держа под локоть жену, миролюбиво утешал:

– Лидочка, не волнуйся, сейчас все лечится.

Мама и отчим решили, что Александра заболела, отсюда эта быстрая потеря веса и нездоровый цвет лица.

Мама Лида никогда не страдала избыточным весом, хотя худышкой тоже не была. Очаровательная женщина с формами, так всегда отзывались о Лидочке лет с двадцати и до настоящего времени. Когда Саша родилась, мама умилялась ее пухлым щечкам и ручкам в перевязочках. И Лидия Николаевна, и ее мама, бабушка Сашеньки, старались накормить девочку повкуснее, почаще и побольше. А Саша всегда была очень послушным ребенком, тихим, уступчивым, робким, и еще маленькой Сашеньке страшно хотелось, чтобы мама ее обязательно хвалила.

– Ешь, доченька, не сиди, голубцы очень полезные. Ешь.

Пятилетняя малышка с круглыми щеками и двумя маленькими косичками совсем не хотела есть. За полчаса до прихода мамы с работы заботливая баба Рая накормила девочку куриной лапшой, целую тарелку съела Саша, за что получила одобрение и ласковое поглаживание по русой макушке. И вот сейчас, сидя за столом и водя пальчиком по скатерти с ромашками, Сашенька совсем не хотела голубцов. Но если она откажется, мама расстроится, будет уговаривать и убеждать, может, даже пожурит, что она после работы старалась, разогревала и подавала, а дочь не ценит мамин труд. Сашенька очень хотела быть хорошей девочкой и через силу, ломая голубец большой алюминиевой ложкой, медленно жевала...

Это сейчас, став взрослой, Саша Туманова понимала причины своего лишнего веса, но привычка быть хорошей с годами только укоренилась. На ум невольно приходили слова бабули Раи: «Люди, деточка, с возрастом не улучшаются, а только усугубляются».

– Ну и пусть, – хмыкнула девушка, выбрасывая окурок. – Вот, сейчас возьму волю в кулак, сяду на привычную гречку и к Новому году точно похудею.

Зазвонил телефон, и Саша потянулась к красному пластиковому аппарату, буднично ответила «Слушаю», ожидая в очередной раз потерпеть ежедневные мамнины причитания относительно ее забывчивости. Но в трубке кто-то тяжело вздохнул, и фраза: «Здравствуй, Саша, это папа» заставила девушку резко сесть на табурет, а рука невольно потянулась в вазочку за печеньем...

1974 год

Когда Сашке было одиннадцать, из семьи ушел отец. Сергей Семенович Денисов влюбился, и, наверное, банально устал. От тяжелой работы на заводе крановщиком, от маленькой комнаты в коммуналке, которую приходилось делить не только с подрастающей дочерью, но и с тещей, но больше всего – от регулярных ссор с женой.

Лида была эмоциональная, взрывная, громкоголосая. Она считала себя главной и важной, ее мнение в семье не оспаривалось, ведь Лидочка закончила педагогический институт с отличием и в свои тридцать четыре года уже работает завучем в школе.

Тихий и робкий Сережа почти двенадцать лет безропотно сносил шумные претензии супруги в свой адрес, он наполнялся ее негативом, как кувшин каплями воды. Но ведь любой сосуд может переполниться, а самый покладистый и терпеливый характер однажды взрывается праведным гневом. Сергей терпел, изо дня в день он отчаянно сносил недовольства и ежеднев-

ные упреки Лиды, нравоучения и советы любимой тещи, которая также не гнушалась лишний раз напомнить зятю, что в ее годы мужики в примаках не жили...

После свадьбы молодые Лида и Сережа поселились у Раисы Васильевны, в свое время отцу Лиды от завода была выделена комната в коммунальной квартире, и после смерти мужа – Николая Ивановича молодая вдова Раиса категорически отказалась проживать одна, взяв клятвенное обещание с дочери, что, выйдя замуж, она мать не бросит. Да и где было жить молодоженам? В комнате общежития, которую студент Сергей делил с соседом Петром? Как семейному человеку ему обещали дать отдельную комнату, но тогда еще невеста Лида, наотрез отказалась делить еще с двадцатью соседями кухню и места общего пользования. В коммуналке они проживали только с одинокой пожилой соседкой, третья же комната всегда пустовала. Комнату Раисы Васильевны разделили шкафом, втиснули между торшером и креслом новую софу, и молодая семья Денисовых ютилась там.

В какой-то дождливый вторник у главы семьи Денисовых случилось сразу все: сломался выдавший виды зонт от сильного порыва ветра, расклеились насквозь промокшие старые ботинки, и в метро вытащили из кармана червонец. На эти деньги Сергею нужно было две недели питаться в заводской столовой, ездить к месту работы и обратно, а главное, купить сегодня трехкилограммовый мешок сахара, тещу кто-то угостил крыжовником, и Раиса Васильевна оповестила, что кровь из носу она обязана сварить любимое варенье Пушкина. А сахар в количестве восьми стаканов в буфете не обнаружился, теща охала, как тяжело ей дается бегать по магазинам и на всю семью, «включая мужиков», покупать продукты и тащить на себе домой. Сергей крикнул от этих прозрачных намеков и клятвенно заверил тещу, что тяжелый мешок с рафинадом вечером будет. Но обещание не выполнил. Дома разразился скандал. Лида с визгом выговаривала мужу, какой он неудачник, растяпа и ротозей.

– Я тебе сколько раз говорила, клади деньги во внутренний карман и застегивай, застегивай его!

Теща Раиса Васильевна поджимала губы, выразительно вздыхала, а в перерывах между возгласами дочери успевала причитать:

– Сереженька, ну, нельзя быть таким беспечным, ты же мужчина, ты – наш защитник. А теперь вот что? Ботинки новые купить надо, зонт в мастерскую снести надо, а сахару-то, впрочем, тоже достать нужно. Но моя пенсия, знаешь ли, не позволяет мне, старой больной женщине делать такие покупки на всю семью, а мое слабое здоровье – таскать на себе тяжелые сумки.

Даже соседка по коммуналке, выпивающая тетя Соня, выглядывая из общей кухни, и нагло стряхивая пепел в горшок с геранью, поддакивала Раисе.

– Вы, Сережа, допустили такое потому, что знаете, Лидочка с Раечкой Вас в беде не оставят, – протягивая гласные, говорила женщина. – Но Вы же глава семьи, стало быть, на себя нужно брать ответственность...

Маленькая Сашенька просто плакала, она очень боялась, когда родители ссорились и все вокруг кричали.

Сергей, не выдержав общего градуса напряжения, схватил с комода три рубля, дернул с вешалки свой непросохший плащ и быстрым шагом направился к двери.

– Куда тебя понесло на ночь глядя? – крикнула Лида.

– За сахаром!

Денисов бросился вниз по лестнице, не став дожидаться лифта, внутри у него все клокотало, как в кипящем котелке, но высказать свои претензии ни жене, ни теще он не мог. Смелости не хватало, характера и прав на это. Он кто? Он – никто, в примаках живет... Очнулся Сергей от своих темных мыслей только тогда, когда почувствовал, что у него замерзли ноги, он шагал по тротуару в домашних тапках, чертыхнулся, переминаясь с ноги на ногу, пожалел, что не забрал с подоконника папиросы, и направился в бакалею.

Стоя в очереди за рафинадом, Денисов, хоть и был атеистом, просил Бога сделать так, чтобы не встретить никого из знакомых, ибо вид его сейчас указывал на сомнительное психическое здоровье. Какой нормальный человек выйдет в конце октября на улицу в плаще и домашних тапочках?!

– Сергей Семенович?

Денисов выругался про себя, еще больше укоренившись в своем атеистическом настрое, обернулся.

Окликнувший его голос принадлежал молоденькой крановщице с третьей бригады их завода. Девушка была низкого росточка, полненькая, круглолицая, с белесыми бровями и ресницами, две светлые косы выглядывали из-под голубой косынки. В руках она держала авоську, удивленно и радостно смотрела своими круглыми глазами на Денисова. Да и вся она была какая-то ладненькая, кругленькая, как бусина. И глядя на эту добрую улыбку на румянном лице девушки, Сережа вдруг простодушно рассмеялся.

– Вроде как с утра был я, – ответил Сергей. – А вы Лена?

Денисов совершенно не помнил имени этой девушки, назвав ее наобум, хотя ее круглое лицо казалось ему знакомым.

– Нет, я Валентина из третьей бригады, мы с вами на восьмом объекте работали. Можно просто Валя.

Девушка по-прежнему ласково улыбалась и чуть смущенно спросила:

– А что же вы в домашней обуви? Уже ведь холодно, и дождь сегодня.

Сергей не заметил в вопросе девушки усмешки, а скорее участливую заботу, поэтому простодушно выложил ей как на духу и про червонец, и про скандал, и про сахар, за которым он стоит.

– Ой, а вы зря стоите-то, – Валя нахмурила светлые брови. – Передо мной женщина килограмм брала, а следом муж моей сменщицы из второй бригады еще кило или два брал, потом вот та женщина, – девушка ткнула пальчиком куда-то в сторону, – последние полкило успела урвать. Вам сегодня точно не достанется трех килограмм...

Денисов хмыкнул с досады, дома без сахара лучше не показываться. Мысль, что нужно ехать в ближайший гастроном на троллейбусе в таком странном наряде, показалась ему еще более устрашающей, чем гнев Раисы Васильевны. И пока он задумчиво чесал подбородок, делая непростой выбор между тем, быть ему сегодня посмешищем или быть безответственным растяпой, голос кругленькой Валечки прозвучал очень оптимистично.

– А что тут думать, Сергей Семенович? – весело спросила собеседница. – Я вооон в том доме живу, – девушка махнула пухлой ладонью куда-то влево, – три минуты шагом, запросто одолжу три килограмма песка, делов-то. И не придется Вам в тапках в гастроном ехать.

Денисов улыбнулся второй раз за короткую беседу с незнакомой девушкой. Она совсем не считала его неудачником или растяпой, а еще удивительно угадывала его мрачные мысли. Мужчине было совершенно неудобно идти к незнакомой девушке, пусть и его коллеге по цеху, за сахаром, но от мысли, что нужно сейчас возвращаться в квартиру, где витает презрение и гнев, не выполнив просьбу тещи, казалось, становилось физически неприятно. Сергей еще внутренне поборолся с установками «а удобно ли это», все-таки согласно кивнул и неуверенно направился в сторону серой девятиэтажки.

Валентина Иванова, или просто Валюшка, как называли ее бабушка и мама, действительно жила недалеко от бакалеи, ее однокомнатная маленькая квартирка, доставшаяся от покойной матери, находилась на последнем девятом этаже. Открыв заметно потрепанную дверь, обитую дерматином, Сергей Денисов почувствовал, как из глубины квартиры на него пахло запахом свежесваренного борща, и он невольно сглотнул слюну. Мыслимое ли дело, проходить голодным целый день? Червонец-то вытянули у него по пути на работу, поэтому обеда он лишился по вине карманника, а вот ужина он сам не понял, почему не удостоился.

Как только он перешагнул порог комнаты и на вопрос тещи «А где же сахар?» простодушно ответил, что ни сахара, ни денег у него нет, то никто и не вспомнил, что Сергей голодный. Ссора началась прямо там, у вешалок с пальто и полки для шапок.

И вот стоя в этой крошечной прихожей в квартире девушки, которую он знал всего-ничего, Сергей понял, что ему ужасно хотелось есть. Борща, красного, наваристого, с ложкой сметаны, а можно и без нее, но с черным сухариком бородинского, с кусочком сала и зубчиком чеснока... Аж в животе забурлило от таких картинок.

– Сергей Семенович, зайдите, зайдите обязательно, – торопливо заговорила Валя, стягивая с себя ботинки, пальто и платок. – Я же пока кулек найду, пока отсыплю, Вы там упаритесь стоять. Пройдите сюда, на кухню!

Сергей уже не мог сопротивляться. Правила приличия напрочь вылетели из головы, когда желудок урчал так требовательно и так бессовестно.

Он сбросил с ног насквозь промокшие тапки, снял пальто и прошел по направлению одурманивающего запаха, исходящего от борща. Кухонька была крошечной, метров квадратных пяти-шести, бедно обставленная, но чистая и уютная. Небольшой стол и две табуретки были застелены зелеными вязаными салфетками, на буфете стояла begония. А в углу, возле батареи, в чулке сушился лук. И Сережа почему-то снова заулыбался.

– Сергей Семенович, а Вы с белым хлебом будете? А то у меня черного нет. – Девушка смущенно развела руками.

– Валечка, мне неудобно у Вас обедать. Я возьму сахар и побегу назад, пока не совсем поздно.

Он вдруг сам удивился, что назвал ее именно Валечка, но по-другому просто не вышло, девушка излучала какое-то незримое умиротворение и детскую непосредственность. И пока Сергей приходил в изумление от своих мыслей, Валя уже ставила перед ним наполненную тарелку красного борща, желтые блески расплывались от центра, где возвышалась большая ложка сметаны. Рядом девушка быстро положила ложку и большой кусок белого хлеба.

– Ешьте, чего стесняться-то?

У него предательски заурчал живот, и Денисову ничего не оставалось, как взять ложку и начать есть. Борщ был густой, наваристый, острый, и ему казалось, что ничего вкуснее в своей жизни он не пробовал.

А когда борщ закончился, он обнаружил, что Валентина сидит напротив него, подперев рукой пухлую щеку, и все время улыбается. И Денисов сам не понял, как они еще долго пили чай с домашними ватрушками, а потом Сергей очнулся, когда в темной прихожей он обнимал эту круглую, маленькую, белобрысую крановщицу. И так радостно ему было в тот момент на душе, что Денисов испугался себя и этих мыслей. Он резко отпрянул от Валентины, наощупь всунул ноги в мокрые тапки и, не застегивая пальто, поспешил к лифту.

В эту ночь Сергей так и уснул, проворочавшись в постели до пяти утра, не дожидаясь будильника, встал, умылся, выпил на кухне холодного чаю из вчерашней заварки, потом долго курил на лестничной площадке, обдумывая, как сказать жене, что уходит от нее.

Когда в начале восьмого супруга появилась в дверном проеме, Сергей набрал побольше воздуха в легкие, но сказать ничего не успел.

– Ты чего сидишь в темноте? Почему чайник не согрел? – сонная Лида, поправляя халат, сразу перешла в наступление.

Денисов шумно выдохнул и качнул головой. Нет, не сможет он сейчас ничего сказать Лиде.

12 июля 1993 года

Четыре соседки подружились за три пролетевших дня совместного проживания. Странная рыжеволосая девчонка Полина больше не поднимала тему существования привидения в лагере, но постоянно озиралась и лишь изредка делилась своими наблюдениями относительно происходящих, а на ее взгляд – странных событий в лагере. Девочки беззлобно подтрунивали над ней, называя Шерлоком Холмсом в юбке.

В четверг та самая красивая девушка с двумя русыми косами, – Галя – зачитавшись очередным любовным романом, долго не могла уснуть, крутилась на узкой, пружинистой кровати. По ровному дыханию соседок было понятно, что все спят, брюнетка, которая расположилась ближе всех к ней, даже чуть посапывала. Предприняв еще несколько неудачных попыток уснуть, Галя аккуратно спустила ноги с кровати, наощупь всунула их в шлепки и на цыпочках прошла по комнате.

«Пойти попить, что ли?» – мысленно спросила себя и аккуратно приоткрыла дверь, ведущую в длинный общий коридор.

В коридоре было темно и прохладно, окно на улицу было распахнуто, деревянные половицы под ногами противно поскрипывали. Она злилась на этот звук и старалась идти быстрее, чтобы не разбудить вожатую, за ночные прогулки во время отбоя можно и нагоняй получить. Девочка дошла до тумбочки у окна, в которое свет от луны освещал уголок коридора, взяла небольшой кувшин с водой, занесла его над стаканом и вдруг услышала резкий, громкий скрип. Графин выскользнул у нее из рук, чудом не разбившись, падая на пол и заливая водой ее ноги. Девушка резко обернулась, но за ее спиной никого не было. Она трясущейся рукой подняла графин, быстро поставила его на тумбочку и со всех ног бросилась в комнату. Запрыгнув прямо в мокрых шлепках на свою кровать, она слышала только громкий стук своего сердца, которое, казалось, клокочет прямо в горле.

«Мне просто показалось!» – трижды произнесла шепотом Галя, сбросила шлепки на пол и с головой укрылась одеялом. На удивление, уснула девушка моментально.

Следующий лагерный день начался как обычно: Катя отчаянно искала в своей маленькой тканевой косметичке помаду и не находила ее. Неужели опять кто-то из девчонок без разрешения взял? Девочки собирались на первую лагерную дискотеку и изо всех сил наводили марафет.

– Это ты опять мою розовую помаду стащила? – Катя грозно крикнула соседке с дальней кровати.

– Ой, кажется, я. – Галя вытащила из кучи разной косметики серебристый патрончик и покрутила его в руках. Девушка, ничуть не испугавшись рассерженной Кати, смеясь, поддела ее:

– Между прочим, она совсем не подходит под твоё голубое платье, Кать.

Катя показала подруге кулак, забрала помаду и подошла к зеркалу. На нее в отражении смотрела привлекательная девушка среднего роста, голубое ситцевое платье смотрелось свободно на худенькой фигурке, удерживаемое лямками на широких плечах, профессиональные занятия спортом дали о себе знать. При этом у Кати были большие серые глаза, обрамленные пушистыми ресницами, и модная короткая стрижка каскад из темно-русых волос. За эту стрижку Катя воевала с мамой и бабушкой почти два месяца, и только аттестат с отличием за девятый класс смог перевесить мамины протесты и надоевшие длинные косы. Девушка поправила голубое платье, попутно расправляя складки на подоле, и улыбнулась своему отражению. Светло-розовая перламутровая помада подчеркнула пухлость губ Кати и добавила яркости ее образу. Девушка была довольна своим отражением, наслаждаясь возможностью краситься,

нарядаться, не боясь осуждения мамы и бабушки, которые считали, что самое главное – это не нарядные платья и веселье, а женская гордость и девичья честь. И только здесь, в лагере, Катя почувствовала свободу и хотела воспользоваться этой возможностью хотя бы ближайшие три недели. Тщательно прокрашивая кисточкой ресницы, девушка вспомнила: «Ой, я опять маме позвонить забыла».

Катя поморщилась, как от зубной боли, представляя, как будет ругаться мать за беспечность дочери.

«Ладно, завтра обязательно позвоню. Обязательно!» – и, повеселев от своих мыслей, Катя продолжила краситься, предвкушая веселый вечер.

Девочки-соседки тоже собирались и прихорашивались. Брюнетка Светлана, выбравшая себе кровать посередине, накручивала на привезенную из дома мамину плойку свои длинные темные волосы, сосредоточенно глядя в небольшое настенное зеркало между шкафами. Локоны путались, девушка обжигала пальцы, ойкала и хмурилась еще больше. Она любила быть в центре внимания и совсем не важно, чье это внимание: мальчика из своего отряда, вожатого, физрука или даже директора лагеря!

«А что, – рассуждала про себя девушка, лукаво улыбаясь своему отражению, – он еще молодой мужчина и вполне себе привлекательный, и кольца на пальце у него нет. Вот моя сестра же вышла замуж за парня, который старше ее на тринадцать лет, и ничего...»

Света приложила к себе салатовый сарафан, который красиво подчеркивал округлую фигуру и длинные стройные ноги высокой не по годам школьницы, подмигнула своему отражению в зеркале.

Другая соседка с короткими светлыми локонами – Верочка, после ужина наравне с другими девчонками готовилась к предстоящей дискотеке: старательно укладывая непослушную челку, напевая что-то себе под нос. В первый же день ей понравился плаворук, он же – вожатый третьего отряда, светловолосый и голубоглазый Илья, который очаровывал одной своей улыбкой. Парню было всего восемнадцать, и девушка была уверена, что молодой вожатый совсем не против закрутить роман с какой-нибудь симпатичной девчонкой из лагеря. В своей привлекательности девушка не сомневалась, выбирая на вечер коротенькую юбку и блестящий топик на тонких лямках. Огорчал девушку только тот факт, что Илья заинтересованно поглядывал не только на нее, но и на Катю, которой он тоже, кажется, нравился...

Полина, в отличие от своих соседок, нарядов не выбирала и не прихорашивалась. Она надела простенькие джинсы и футболку, завязала высокий хвост, тщательно собирая и приглаживая щеткой свои рыжие, пушистые волосы. Девушка грызла ногти, когда нервничала или сердилась, не замечая своей дурной привычки, а глядя на суету соседок перед дискотекой, злилась еще больше.

«Дурехи! Неужели они ничего не замечают!? Вчера же ночью после отбоя, скрипели половицы в коридоре, который ведет в общую душевую, хотя никто не выходил. А позавчера резко выключался свет два раза, когда я пошла звонить маме в кабинет медсестры. Разве это все случайности? Нет, конечно. Почему эти куклы только о мальчиках думают?» – Она досадливо фыркнула, швырнула на кровать расческу и вышла из комнаты девочек.

Первую дискотеку ждали все собравшиеся: мальчишки самоуверенно расхаживали вдоль танцплощадки, переговариваясь и нарочито громко смеялись, девушки поочередно поправляли челки, локоны и, одергивая короткие юбки, поглядывали на мужскую половину. Ровно в двадцать тридцать загремела современная музыка, площадку осветили светодиодные прожекторы, подростки стали смелее выходить к центру танцпола.

Мальчишки показательно недовольно вздыхали на подборку ди-джем музыкального сопровождения, подпирали стены и с любопытством рассматривали преобразившихся девчонок.

– Музыка нааас связааала! – подпевала Катя, попутно ловя на себе заинтересованные взоры. Особенно она радовалась, когда ловила взгляд Богдана, с довольной улыбкой замечала, что на нее также искоса и завистливо посматривает какая-то высокая девушка в серой юбке, а еще незнакомый парень в клетчатой рубашке. Катя кружилась под знакомые мелодии, попутно размышляя, может ли потанцевать и с Богданом, и с тем в рубашке, если они оба ее пригласят на медляк.

А еще Катя не знала, что на ней остановился и другой взгляд. Тяжелый, глубокий, цепкий. Взгляд зверя, который нашел свою добычу.

1 августа 1993 года

Оля, Даша и Ира торопливо вышли из душного автобуса вместе с толпой подростков перед воротами детского лагеря «Радуга». Девочки поспешно достали свои спортивные сумки и пакеты из багажника ПАЗика и особняком стояли поодаль шумной толпы.

Железные ворота распахнулись, и навстречу вышла статная, моложавая, высокая блондинка с убранными волосами в «улитку».

– Дорогие ребята, здравствуйте! Я рада вас поприветствовать! Давайте знакомиться: я – заместитель директора этого чудесного лагеря, и зовут меня Елена Константиновна. Мы сейчас пройдем с вами в наш актовый зал, чтобы познакомиться поближе, и вы послушаете про наше расписание на ближайшие три недели, потом у вас обед, а потом вы будете заселяться в корпуса.

Подростки одобряюще загудели и отправились за блондинкой вдоль территории к одноэтажному зданию с колоннами, которое, судя по всему, и являлось актовым залом.

Оля Русакова взяла под руку Дашу, которая в свою очередь дернула за джинсовую куртку Иру.

– Ир, пошли, чего ты там застряла? – Дашина сумка весила вдвое больше девушки, ей было трудно быстро поспевать за толпой и тащить свой груз. Оля была выше подруги на целую голову, поэтому шла впереди без особых усилий, вместо сумки у девушки на спине висел большой спортивный рюкзак.

– Девочки, вы видели? – запыхавшись, спросила Ира, догоняя подруг. – Там на втором этаже стекло выбито, дыра такая, прям как будто камнем...

– Я ничего не видела, – невозмутимо ответила Оля, продолжая шустро шагать вперед. Даша только завертела головой, пытаясь понять, что увидела Ира.

Толпу прибывших подростков усадили в актовом зале, который в самом деле был домом культуры в советские времена. Сейчас же портреты Ленина и Сталина со стен убрали, вместо вождей разместили план эвакуации на случай пожара, а разные лозунги лагерной жизни еще с постсоветских лет на стенах так и остались. Особо позабавил ребят лозунг: «Косточки в ряд, звездочки в ряд – трамвай переехал отряд октябрят». Почему именно этот текст, написанный на листе ватмана, остался украшать стену, никто не знал. Большой гипсовый бюст Владимира Ильича в силу своего веса стоял в углу зала, периодически пугая подростков, не ожидавших увидеть такое соседство.

Пока три подружки шушукались, Елена Константиновна успела рассказать про распорядок дня и правила поведения на территории лагеря.

– Даш, тише. Не поняла, во сколько тут отбой? – Оля повернулась боком, дабы блондинку было лучше слышно.

– В двадцать два ноль-ноль, – прошипела Ира. – Как трехлетних детей укладывают, ну ей-Богу.

– А кто этот парень, Ир? – Даша дернула за руку подругу, показывая кивком головы в сторону двери. В дверном проеме, прислонившись к косяку, стоял коренастый светловолосый парень, с интересом поглядывая на сидящих в зале ребят.

– Может, вожатый наш? Или плаврук? – предположила Ира, заинтересованно разглядывая парня.

– Ой, девочки, смотрите, директор тут молодой еще!

Услышав смешок сзади, три головы как по команде обернулись на говорящую. Девушка с полосками осветленных волос, затянутыми в хвост, жевала жвачку и хихикала, толкая в бок свою соседку в ярко-зеленой футболке.

– Ничего он не молодой, – прошептала Даша, – наверное, отцу моему ровесник.

– Да ну, он даже моего моложе, – также тихо ответила Ира. – Вроде нормальный дядька, улыбается, и глаза добрые, да, Оль?

– Тихо вам, – недовольно буркнула Оля, тряхнув челкой.

Речь директора уже мало кто слушал. Борис Корин действительно производил впечатление человека мягкого, дружелюбного. А раз бояться некого, то можно и расслабиться.

После официальной части ребята дружно направились в столовую. Столы были рассчитаны на шесть человек, и подруги оказались за одним столом с незнакомой девочкой.

– Давайте знакомиться, – как можно приветливее улыбнулась Даша. – Я – Даша Земляникина, учусь в сорок восьмой школе, в Москве. Вот.

– Оля Русакова я, – девушка окинула внимательным взглядом сидящих.

– Я – Ира Сойкина, – бойко представилась третья девушка, убирая длинные русые волосы за уши. – Мне шестнадцать, я тоже из сорок восьмой школы, мы с Дашкой одноклассницы.

– Меня зовут Полина, – сказала девушка с рыжими волосами, с очень светлой кожей, на которой проступали зеленовато-голубые вены. – Фамилия моя Серова. Я местная.

– А давайте и в комнату заселимся все вместе, как сидим? – предложила Ира, прихлебывая суп.

– Вряд ли, – тихо ответила Оля, лениво ковыряясь в макаронах с подливкой. – В комнаты заселяют обычно по списку.

– Но мы-то точно втроем будем! – утвердительно хлопнув ладошкой по столешнице, ответила Даша.

– Конечно, – Оля согласно кивнула, отодвигая от себя тарелку.

Полина сидела молча. До конца обеда она больше не проронила ни слова, лишь периодически испуганно поглядывая на бойкую Дашу и веселую Иру. Оля ей показалась злой.

Когда многие ребята уже пообедали, отнеся тарелки на стол раздачи, в зал вошла невысокая полноватая девушка в светлой футболке и темно-синих брюках с двумя кудрявыми хвостиками. Она стала в центре столовой и подняла вверх руку с красной папкой.

– Ребята, всем привет! Я вожатая второго отряда, то есть ваша, – девушка лучезарно улыбнулась. – Зовут меня Аня, и ко мне можно на «ты». Мы сейчас ждем, когда все пообедают, и я поведу вас заселяться в наш корпус. Выбирайте, кто с кем хочет соседствовать в комнате, кто не выбрал, тех буду заселять по списку.

Наконец-то второй отряд из двадцати семи человек расселили, Оля, Даша и Ира разделили комнату с новой знакомой – скромной, тихой Полиной.

– Оль, в волейбол играть пойдешь? – Даша призывно стучала тугим синим мячом по асфальту. Она стояла под окном их комнаты, запрокинув голову, солнце слепило глаза, и девушка шурилась и подставляла ладонь, как козырек.

– Ты забыла, зачем мы сюда приехали? – девушка выглянула из окна, упиравшись локтями в облупившийся подоконник. Голос Оли был строгий, и Даша, со вздохом отбросив мяч в

сторону волейбольной площадки, подбежала к корпусу и стала быстро подниматься в комнату по лестнице.

Оля Русакова сидела на кровати, поджав по себя ноги, на коленях ее был раскрытый блокнот, в пальцах девушка нервно крутила ручку. Ее темные брови были нахмурены, отчего на переносице образовалась упрямая складка.

Даша немного помялась у двери, набрав побольше воздуха в грудь, протараторила на одном дыхании:

– От того, что ты не пошла играть в волейбол, мы все равно ничего не узнаем про Катю. – Даша постаралась придать уверенности голосу, но в душе она опасалась явно перечить подруге.

Оля всегда была заводилой в их компании: она решала, на какой фильм они пойдут в кино, будут ли прогуливать математику и с кем из мальчишек лучше не дружить. Именно она придумала это расследование, когда узнала, что, Катя пропала, и она уговорила свою маму «выбить» три путевки на всех. Даша искренне горевала по пропавшей Кате, но абсолютно не верила, что они смогут вычислить виновного в этом преступлении, а вот в том, что произошло преступление, подруги не сомневались ни минуты.

Оля еще больше нахмурилась, сделав какую-то пометку, захлопнула блокнот и вопросительно посмотрела на подругу.

– А от твоего волейбола мы быстрее найдем Катю? – В глазах девушки сверкали искры гнева. – Даш, ты забыла, зачем мы приехали? Чтобы мальчишкам глазки строить или чтобы разобраться во всем этом?

Даша густо покраснела. Вчера после отбоя она взахлеб делилась с соседками, как во время игры в мафию постоянно переглядывалась с плавруком, и он ей дважды улыбнулся. Девушка теребила в руках край футболки, мысленно не соглашаясь с подругой. Ведь они же договорились, что пока просто наблюдают за происходящим, вдруг кто-то из них заметит что-то необычное. Ира тоже активно знакомится с приезжими ребятами, ходит на озеро и даже собирается на дискотеку в субботу.

Почему же Оля считает, что именно Даша забыла о главном деле? Между прочим, она узнала, что в административном корпусе есть запасной выход и эта дверь скрыта шторой. А куда ведет эта дверь? Обязательно нужно узнать, вдруг там проход или чулан? А еще Даша заметила, что сторож как-то очень пристально поглядывает на девчонку, мальчишки пройдут, он и ухом не ведет, а девчонки мимо сторожки – сразу выглядывает и смотрит внимательно. Чудной какой-то. Прошло всего четыре дня, девочки еще даже не успели запомнить имена своих товарищей по отряду, но Даша разузнала, что поварику зовут тетя Лида и что в прошлом году был другой повар, но та уволилась сразу после пропажи Коли Чиженко. Нет, Оля несправедливо упрекает ее.

– Оля, ну чего ты? – Даша примиряюще взяла в руку прохладные пальцы подруги. – Мы обязательно разберемся в этом деле! Вот, смотри, нам вчера с тобой показалось...

Но Оля, не дав договорить, резко выдернула свою руку.

– Именно! Показалось! – Оля передразнила девушку. – Даш, мы приехали искать Катю, так что решай сейчас – ты или с нами, или сама по себе.

Оля смотрела строго, и от этого взгляда Даша поежилась.

– Конечно, я вами! – девушка быстро заверила подругу и отвела взгляд. Оля, казалось, этого совсем не заметила, она явно успокоено кивнула и уже ровным голосом продолжила:

– Тогда сегодня после отбоя твоя очередь идти в административный корпус. Не забудь, что после девяти закроют центральный вход. И блокнот взять не забудь, – отчеканила Оля.

Даша кусала нижнюю губу, размышляла, как же выполнить поступившее задание и все-таки увидеться с Ильей, тем самым симпатичным плавруком, который пригласил ее прогуляться именно после отбоя и обещал ждать в дальней беседке за футбольными трибунами.

«А может быть, рассказать все Илье? Нет, Олька меня приберет, она настрого запретила с кем-либо обсуждать эту тему. Но парень здесь работал и в прошлый заезд, наверняка он больше знает и больше видел, чем мы сможем узнать за эти три недели. Точно! Именно так я и сделаю, спрошу у него, Олька ругаться не будет, ведь это для нашего общего дела».

И уверенная в правильности своего решения, Даша, значительно успокоившись, стала собираться на ужин.

После вечернего костра, где вожатый третьего отряда, играя на гитаре, напевал Окуджаву, ребята стали расходиться по корпусам. Даша, застегнув спортивную кофту, тоже шла за толпой, но поравнявшись с медпунктом, замедлила шаг.

– Дашк, ты там отстала, что ли? – Ира обернулась, всматриваясь в полумрак.

Большие старые сосны с раскатистыми ветвями бросали извилистые тени на асфальт, а тусклый фонарь надрывно поскрипывал, раскачиваясь от очередного порыва ветра. На долю секунды Ире послышался сдавленный стон из кустов сирени. Девушка невольно вздрогнула и уже более нервно крикнула.

– Даш, ты идешь?

Но ей никто не ответил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.